

Культуря. — 2002 — 6-12 июня. — с. 1-2

На IV конкурсе Крайнев играл для Фурцевой, на XII пианисты сыграют для него

В.Крайнев, лауреат первой премии IV Конкурса имени П.И.Чайковского. Москва, 1970 г.

Фото ИТАР-ТАСС

Сегодня открывается XII Международный конкурс имени Чайковского. В двенадцать часов пройдет традиционная торжественная церемония у памятника, а вечером — концерт на сцене БЗК, в программе которого, как нетрудно догадаться, исключительно Чайковский — кантата «Москва» и Первый фортепианный концерт (солист — победитель предыдущего конкурса Денис Мацуев).

Конкурс Чайковского — дорогое удовольствие. Взять, к примеру, аренду Большого и Малого залов консерватории — только она обходится в 145 тысяч долларов (что, впрочем, можно причислить к завышениям оргкомитета, ибо изначально консерватория запрашивала чуть ли не в три раза больше). Пришлось приложить известные усилия, чтобы добыть денег. И тем более хочется поздравить организаторов с победой, что государство выделило треть необходимой суммы, одного глобального спонсора так и не нашлось, а конкурс все-таки состоится. И за призовой фонд (470 тысяч долларов) генеральный директор конкурса Н.Бутов просит не беспокоиться. По его словам, «этот фонд незыблем», так что всякий претендент присужденную ему премию получит.

627 человек изъявили желание принять участие в конкурсе, в среднем в 2-3 раза больше по каждой специальности, чем предусматривал регламент. Впервые введенный отборочный тур (специальные «малые» жюри прослушали присланные кассеты) помог решить и эту проблему. Сбылась мечта московского меломана — опасаться «туристов» ему на сей раз не придется. Другое нововведение — безбалльная система голосования на первом и втором турах — безоговорочного притяния не вызвала. «Да» — это понятно, «нет» — тоже. А как трактовать то, что затесалось между двумя этими городами, — туманно-неопределенное «может быть»?

Но что совершенно точно, так это то, что завтра состязание начнется. По традиции пианисты будут играть в БЗК, скрипачи — на первом туре в Малом, затем тоже в Большом, вокалисты — в Колонном зале, а вот виолончелистам на первых двух турах предстоит освоить зал театрально-концертного центра Павла Слободкина, и только финалисты, как всегда, выступят в КЗЧ.

Все специальности на конкурсе равны, но фортепианный раздел, как известно, подавляющее большинство публики считает первым среди равных. Накануне открытия и, будем надеяться, открытий, мы взяли интервью у председателя жюри пианистов и победителя IV Конкурса Чайковского Владимира КРАЙНЕВА.

— Владимир Всеволодович, какой девиз вы предложили бы своим коллегам — членам жюри?

— Конкурс — для участников, а не для членов жюри.

— Ваше слово было решающим, когда жюри формировалось?

— Я лично приглашал всех будущих членов жюри, три кандидата по не вполне понятным для меня причинам не устроили оргкомитет, остальные «прошли». Я за своих «партнеров» спокоен — они знают толк в своем деле, практически все «играющие» пианисты и профессора, имеют опыт подобной работы и, насколько я знаю, отличаются честностью и принципиальностью. Особное уважение у меня вызывает замечательный музыкант и педагог Лев Наумов. Я его уже приглашал в жюри питерского конкурса имени Прокофьева, собираюсь пригласить на украинский имени Лысенко — я там тоже буду председателем жюри. На прокофьевском конкурсе мы

очень интересно работали, хотя и много спорили. Впрочем, конкурсов без споров не бывает. И, конечно, основные баталии будут с публикой и прессой. Как бы там ни сложилось, а болеть все равно будут за иностранца. Традиция уж у нас такая.

— Вас устраивает голосование по принципу «да, нет и может быть»?

— Это было мое предложение — так голосовать, хотя систему выдумал не я, она практикуется на многих конкурсах. И я очень рад, что председатели жюри скрипачей и виолончелистов — Владимир Спиваков и Александр Рудин — меня поддержали. Цифрами можно манипулировать как угодно, и все мы знаем, что есть великие мастера этого дела. «Может быть» рассматривается как плюс. Кто набрал таких оценок больше, чем «нет», становится кандидатом на следующий тур вслед за теми, что получили безоговорочное или преимущественное «да».

— Как вы относитесь к идее Владимира Спивакова запретить в финале голосовать членам жюри не только в том случае, когда выступают их ученики, но и все прочие участники, дабы избежать искуса провалить конкурирующую «фирму»?

— Эмоционально я «за». Но ведь все равно технически это неосуществимо — 50 процентов членов жюри могут иметь в финале своих учеников. Придется все-таки положиться на честность жюри. Трудно быть честным, но надо.

— А сколько ваших учеников принимают участие в конкурсе?

— Двое — тайванец Чун-Чье Иен и кореец из США Рифус Чой. Прошли отбор — все честь по чести.

— Выходит, если иметь в виду ваши интересы на этом конкурсе, то публике как раз и надо болеть за иностранца? Впрочем, вы ведь и сами профессор из Ганновера.

— Что никоим образом не удаляет меня из поля зрения российской публики (у меня, в конце концов, есть филармонический абонемент в Москве), как и из моего поля зрения — русских учеников. В моем классе их больше половины. Остаются я здесь, пришлось бы организовывать не фонд помощи молодым пианистам Владимира Крайнева, а фонд помощи самому Владимиру Крайневу. Русским студентам нелегко приходится за границей — жизнь съедает много денег. Практически все мои русские ученики, прежде чем встали на ноги, добились хотя бы относительного материального благополучия, — а оно, кстати, как правило, начинается с получения премии на каком-либо конкурсе, — жили у меня в доме.

— Вас играть на Конкурсе Чайковского «определила» Фурцева. Это обстоятельство придавало уверенности в себе или, напротив, особенно заставляло опасаться неудачи?

— Она хотела, чтобы я участвовал уже в Третьем конкурсе, но у меня были проблемы со здоровьем, и я отказался. Где-то года полтора она сердилась, и это было ощутимо: меня перестали выпускать за границу. Но потом немилость прошла. Когда настало время составлять команду для Четвертого, она позвонила снова. Конкурс проводился в год столетия Ленина. Кровь из носа — все первые премии обязаны были получить советские музыканты. Мне было 26 лет, я был солистом Московской государственной филармонии и лауреатом двух международных конкурсов. Победа могла бы очень способствовать дальнейшему успешному развитию моей карьеры, как это и произошло на самом деле, зато поражение в один момент ее бы уничтожило.

(Окончание на 3-й стр.).

На IV конкурсе Крайнев играл для Фурцевой, на XII пианисты сыграют для него

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

Когда есть что терять, к возможности потери равнодушно не относишься. Страх перед началом я испытывал неопределимый. К счастью, я довольно быстро его преодолел — очень увлекся исполняемой музыкой.

— Главным вашим соперником был Джон Лилл, с которым в итоге вы и поделили свою первую премию. Вы общались с ним в дальнейшем? И какое впечатление он производит на вас как музыкант?

— Я, между прочим, приглашал его в жюри нынешнего конкурса, но он не смог — занят. Мы с ним вместе сидели в жюри конкурса в Лидсе. А когда я играл в Лондоне, он ко мне приходил. Так что совершенно нормально мы с ним общаемся. Что касается его игры, то он, безусловно, талантливый и главное — умный пианист. Это ценное качество. Но я предпочитаю, чтобы рация и эмоция сосуществовали на паритетных началах, не затмевая друг друга.

— Какая национальная исполнительская школа, на ваш

взгляд, делает сейчас особенные успехи?

— Профессионализм везде очень высок. А школы все переплелись, как бы влились друг в друга. Впрочем, черты национального характера, конечно, различимы. Русские педагоги делают свое дело, а они — повсюду. В последнее время невероятно выросла итальянская школа, тоже не без участия русских преподавателей. Аналогичная ситуация и в Японии. Вообще Азия очень здорово пошла — этого у нее не отнимешь.

— Когда вы в последний раз играли Первый концерт Чайковского?

— В прошлом сезоне в Вене и Братиславе. В начале ноября буду играть в Японии и Гонконге.

— Другие гастрольные планы?

— В Испании у нас с Александром Рудиным будет сонатный вечер, в Греции с местным камерным оркестром, руководимым Саулюсом Сондецким, сыграю Шнитке и Шостаковича, в США — сольную программу. Но главные мои заботы вполне корреспондируются с конкурсными. Отслушав

молодые дарования здесь, отправлюсь в Ганновер заниматься своими учениками — грядет выпуск.

Беседу вела
Наталья ШАДРИНА

P.S. Между тем на «Чайковском» уже появились первые итоги. В Музее музыкальной культуры им. Глинки завершился конкурс скрипичных мастеров. Соревновались 63 скрипки, 34 альты, 11 виолончелей. По разряду «скрипка» первая премия присуждена московскому мастеру В. Улицкому. Вторая премия — у И. Плец (Польша), третья — у Д. Павликовской (Польша). В разряде «альт» первая премия не присуждена, второй удостоен Ф. Гейер (Германия), третьей — Б. Каспишци (Польша). В разряде «виолончель» первая премия не присуждена, вторая — у К. Крупы (Польша), третья — у Т. Фукудо (Япония). В разряде «смычки» лауреатами стали: Л. Соболь (скрипка) — Москва, А. Ягубьянц (альт) и В. Гончаренко (альт) — оба Россия, В. Гончаренко (виолончель) — Россия.